

Рейтинг Владимира Путина на протяжении прошедшей четверти века испытывал колебания волнообразного характера, диапазон которых определился достаточно точно: не ниже 60%, не выше 90%; в большинстве случаев на два-три процентных пункта выше указанного минимума или ниже указанного максимума. Длина волны – долгота пребывания вблизи минимума или максимума – за эти годы росла. Так высокие значения одобрения держались с присоединения Крыма до 2018 года, а потом после начала СВО и до сих пор.

Для большинства стран/обществ, где проводятся подобные измерения (и где их результатам можно доверять), такое поведение показателей не характерно. Обычно если имеется высокий рейтинг в начале правления лидера, то он «расходуется» и сходит к минимуму к концу срока его полномочий или даже до его истечения (так было с рейтингами

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

Горбачева и Ельцина). Случай с Путиным совсем не такой, но и не беспрецедентный – нечто похожее происходило до поры с рейтингом Александра Лукашенко.

И все же рейтинг Путина так высок и так устойчив, что одни отказываются этому верить, а другие утверждают, что в России установился культ личности вождя – как при Сталине. Связку двух имен обсуждают часто, и поэтому поговорим о взаимоотношении образов этих персон в массовом сознании.

Измерять отношение публики к высшему начальству можно разными способами. С давних пор «Левада-центр»¹ предлагает респондентам указать десять наиболее выдающихся людей всех времен и народов. Называют исторические имена, но среди них оказывается и имя действующего президента, причем в первой двадцатке только он – единственный живой персонаж. В итоговом зачете Путин оказывается на втором месте, на первом – Сталин, чьему восхождению к этой вершине, как поговаривают многие, способствовал если не сам Путин, то его правление.

Для порядка отметим, что в первой десятке списка наиболее великих (по мнению россиян) людей, есть еще два верховных правителя России – Петр I и Ленин, – которых, однако, с действующим российским президентом сегодня не связывают. Петра I, глядевшего на Запад, в пропаганде сейчас не поминуют (скорее уж Ивана Грозного), как, впрочем, и Ленина.

Историческое имя, релевантное разговору о Путине как фигуре общественного сознания, – это Брежнев. Как деятеля всех времен и народов его поминают гораздо реже, но на вопрос

«Какое время в 20 столетии было лучшим?» россияне определенно называют период брежневского застоя. В довидные годы люди постарше называли время Брежнева, а помоложе – Путина. Брежневское время помнится «стабильностью», ее и Путину когда-то ставили в заслугу.

Путин никогда не выставлял себя напрямую новым Сталиным и не велел пропаганде это делать. Но он, не называя имен, представил Горбачева как того, кто «развалил Союз» (созданный Сталиным), а ему, Путину, приходится теперь это исправлять. В этом смысле он «продолжатель дела Сталина» (применительно к себе Сталин предпочитал формулу «продолжатель дела Ленина»). Так читаются его месседжи массовым сознанием.

Итак, Путин и Сталин где-то рядом в истории, как ее видят современники. Есть нюансные различия: у молодых, выросших при Путине, он на первом месте, а Сталин на втором. Для них Путин – это настоящее, а Сталин – история. У пожилых – наоборот. Для них сталинское время, время СССР – «настоящее», а нынешнее – так, попытка повторить... Поскольку молодые в меньшинстве, то общую картину формируют те, кого нынче зовут «взрослыми».

В целом, как показывают наши опросы, те, кто почитают Сталина, одобряют Путина и поддерживают СВО. Таких большинство, а придерживающихся противоположных взглядов – меньшинство. Но не все, однако, поклонники Сталина благосклонны к Путину. И не все, кто поддерживают СВО, одобряют Путина. Сталинисты-антипутинцы – немногочисленный, но упорный и при случае активный контингент. Часть из них

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

осуждают Путина за начало СВО, но объясняют это тем, что тот, мол, недостаточно подготовился для того, чтобы мощным сталинским ударом взять Киев, а затем Варшаву, Берлин и... (про Париж почему-то говорят очень редко, чаще – про Лиссабон).

Среди тех, кто не одобряет Путина за начало СВО (и, соответственно, не принимает доводы пропаганды о том, зачем это надо было делать), есть те, кто тем не менее «за войну». Аргументация этих людей: «Раз начали, надо доводить до конца!». Это чрезвычайно сильная, если угодно, философия: в жизни все надо доводить до конца – обращаться к таким максимам с вопросом «Почему?» бессмысленно. Заметим только, что эта позиция используется для обоснования как продолжения СВО, так и желания, «чтобы уже заканчивали».

Судя по последним замерам, тех, кто предпочел бы перейти от продолжения боевых действий к мирным переговорам, набирается 64%. Но не стоит записывать их всех в пацифисты: большинство входит в те 74%, которые в том же опросе заявили, что «лично поддерживают действия ВС РФ в Украине». И четыре пятых тех, кто поддерживает (по разным причинам) переход к мирным переговорам, имеют в виду установление мира на российских условиях, главное из которых – сохранение за Россией четырех областей, которые объявлены ею своими. Зачем им эти земли?

Путин недавно объяснил, что у нас так принято: где ступил сапог русского солдата – то наше. К этой формуле тоже невозможно обратить вопрос «Почему?». За спиной Путина – тень Сталина и Ялтинских соглашений 1945 года, согласно которым, под власть Советского Союза (то есть Сталина, как тогда говорили на Западе) были переданы

очень многие земли, где прошли сапоги советских солдат.

«Ялту» часто поминают сейчас обозреватели и аналитики, которые полагают, что у Путина в рамках СВО две цели. Одна – сесть, как Сталин в Ялте, за стол на равных с лидерами «великих держав» (это президент США и еще кто-то), вторая – снова разделить с ними мир. По одной версии, которую излагают наши респонденты, это значит получить под свою гегемонию всю Европу, отдав прочее Соединенным Штатам. По другой – восстановить раздел Европы, реализованный в Ялте и упраздненный в результате политики Горбачева в 1989 году. Замах – в любом случае – сталинский.

Идея, что «наш» Сталин – самая великая историческая личность всех времен и народов, подразумевает, что, значит, и мы самые великие. Идея превосходства «нас» над остальными конститутивна для любого человеческого объединения, она всегда наготове в массовом сознании – любом, в том числе россиян (в той мере, в какой они объединены неким представлением о себе). Себя россияне, насколько позволяют судить наши исследования, мыслят не как общество (то есть как носитель чувства и воли), не как народ (то есть как множества людей, «человеков»), не как страну (то есть как земли, которую считают своей), но как государство – державу. Последнее понятие – самое сложное и самое сильное, поскольку включает представление о стране, народе и *власти* разом. Раньше эта держава звалась СССР, Союз, теперь – Россия. Именно ее они считают великой, превосходящей все прочие. Она если не больше, то уж точно главнее всех.

При таком мирозерцании Путин встроен в идею России, как Сталин встроен в идею СССР. Можно говорить,

что это монархическое сознание, а поскольку здесь присутствует идея заведомого превосходства над другими, то еще и имперское. Этим мы не скажем ничего нового. Некоторая новизна заключается в том, что в понятии «империя» стали находить нечто привлекательное и примеряют его на себя уже не отдельные идеологи и политики, но и рядовые граждане на наших фокус-группах.

Четвертый год СВО ознаменовался в России нашествием каменных, бетонных, гипсовых сталиных. Зачем понадобились эти идолы? Вероятно, с их помощью надеются приблизить победу над Украиной. Победу, которая мнится, мерещится, но оказывается все время разочаровывающе далека. Заметим, что культ этих идолов распространяется в глубоких тылах и среди тех, кто в наименьшей степени может данную победу приблизить – старых, да малых. Не они идут на фронт, не они пашут в три смены на предприятиях оборонки. Но они самый благодатный материал для пропаганды, самая большая аудитория для телевидения. Старшая их часть составляет большинство при соцопросах. Это они обеспечивают Путину рейтинг в 86%, а Сталину – первое место в ряду великих людей всех времен и народов.

Как показывают архивы, нынешние волнения по поводу того, что надвигающимся культом Сталина будут пользоваться власти в своих интересах, не новость. Такое беспокойство наблюдалось

и двенадцать, и пятнадцать лет назад. Так, отвечая на вопрос «В последнее время руководители страны все чаще говорят о Сталине как выдающемся государственном деятеле. Как вы думаете, с чем это связано?», в феврале 2013 года респонденты полагали, что российские власти использовали культ Сталина, чтобы «оправдать собственную политику и злоупотребления властью» в 19% случаев (и в 16% случаев – в марте 2010-го), для «укрепления своего собственного авторитета как наследников славы побед» – в 21% случаев в 2013-м (и в 23% в 2010-м), для «постепенного восстановления советской системы» – в 6% случаев (и в 8% в 2010-м), от «безвыходности, как суррогат отсутствующей “национальной идеи”, поскольку в стране не осталось “ничего святого”», – в 19% случаев (и в 20% в 2010-м). Затруднились ответить соответственно 35% и 33%.

Главный результат тут – значительная, более трети, доля отказавшихся участвовать в предложенной дискуссии. Важным кажется также то, что примитивная идея – мол, этим путем власти восстанавливают советскую систему – не нашла поддержки среди россиян. Напротив, догадка, что власти употребят культ Сталина как автора Победы для того, чтобы и себя вписать в ее наследники, уже тогда пришла в голову как самая вероятная.

Задавался и прямой вопрос: «Существует ли в России культ личности Владимира Путина?».

Существует ли в России культ личности Владимира Путина? (%)	Март 2006 года	Апрель 2007 года	Октябрь 2007 года	Октябрь 2009 года	Июль 2010 года	Октябрь 2011 года	Сентябрь 2014 года	Сентябрь 2021 года
да, все его признаки уже налицо	10	15	22	23	27	25	19	26
еще нет, но предпосылок для него все больше и больше	21	25	27	26	28	30	31	21
нет, никаких признаков такого культа нет	57	49	38	38	33	33	40	41
затрудняюсь ответить	12	11	13	12	12	12	10	12

За все время с 2006-го по 2021 год примерно десятая часть респондентов отказывалась отвечать. От трети до 57% было тех, кто не видел никаких признаков культа. И в сумме примерно столько же (от 31% до 55%), кто был уверен, что признаки культа уже налицо, и кто пока фиксировал лишь предпосылки для

него. Первых всегда было меньше, чем вторых, и лишь в 2021 году, когда был произведен последний замер, мнение, что признаки культа уже налицо, стало в этой паре преобладающим. Как изменилось положение с тех пор, читателям придется решать на основе собственных наблюдений.